

20 ИЮЛ 1966

ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ ИСКУССТВА

НОВЫЕ ГОСТИ

Заметки о спектаклях театра «Ромэн»

Обрести свое творческое лицо — мечта каждого коллектива. Театр «Ромэн» со дня своего рождения, можно сказать, был «обречен» на непохожесть и оригинальность. Это и круг весьма специфических проблем, поднимаемых в спектаклях, это и особая, отличающаяся от «классического» драматического театра манера исполнения.

Почти в каждом спектакле главной основной темой служит мысль, что таборная жизнь тяжела и безрадостна, а оседлая — светла и полна надежд. Проблема приобщения цыган к нормальной цивилизованной жизни носила естественно жгучий характер. Выдвинутая самой жизнью, она обрела плоть и кровь и в драматическом искусстве. Переход к оседлости — это не только отказ от вековой привычки к кочевью, это одновременно и грандиозная ломка и изменение характеров людей. Процесс этот происходил не мгновенно, не вдруг, а долго и болезненно. И вполне естественно, что именно он занял центральное место в спектаклях театра.

О жизни цыган писали волнующие и страстно. Пушкин и Мериме помогли родиться тому образу романтического народа, который в «шатрах изодранных ночует». Цыган стал символом воли, страсти, свободы. Тем трудней и почетней задача театра, который решил создать новый, рождающийся на наших глазах, образ целой народности.

Это и стало основной причиной, движущей действие, главным конфликтом спектаклей по пьесе И. Хрусталева «Я — цыганка» и «У дороги» И. Ром-Лебедева. Спектакли эти насыщены музыкой, песнями, танцами, что и составляет особенность этого поистине музыкально-драматического театра. Актеры так легко, непосредственно и логично переходят от слова к песне и танцу, что ты, зритель, не представляешь, как эту «мысль» можно было не спеть или не сплясать. Делается это ярко, талантливо, темпераментно. Каждый актер этого театра пластичен и музыкален.

Неудивительно, что сибиряки ежевечерне залпают зритель-

ные залы оперного театра и «Красного факела». И зрители, пришедшие послушать цыганские песни, посмотреть вихревые пляски, получают все это сполна. Но для театра быть только экзотичным ансамблем (даже если экзотика красива) все-таки мало, и надо отдать должное коллективу, который это понимает, хотя не всегда, к сожалению, реализует свое понимание на сценической площадке. На то, как нам кажется, есть объективные причины, первая из которых — отсутствие большой и добротной драматургии. Основная беда, на наш взгляд, в некоторой прямолинейности постановки и решения проблем, в отсутствии психологической мотивировки поступков действующих лиц. Авторы так стремительно доказывают правоту своей идеи, неизбежность ее победы, что зачастую опускают сам процесс доказательств. Нужно отдать должное актерам, и в особенности Н. Сличенко, которые, имея в своем распоряжении довольно скупой материал, наполняют своих героев плотью и кровью.

Вторая причина кроется в слабости актерского ансамбля. В спектакле «Я — цыганка» это привело даже к смещению смысловых акцентов. Заслуженная артистка АЗССР Т. Агамирова показывает свою героиню умной и волевой женщиной. Это активная, действительная натура, стремительно двигающаяся вперед довольно вяло протекающее действие. Привычные слова «живет в роли» как нельзя больше относятся к ней. Именно живет, и не только тогда, когда приносит реплики, но и когда действие, казалось, проходит без ее участия. Огромная внутренняя насыщенность убеждает нас в том, что актриса знает о своей героине значительно больше того, с чем зритель встречается на подмостках сцены. Честно говоря, зачастую интереснее было смотреть на все происходящее, следя за реакцией Агамировой-Цохи, чем наблюдая напрямую за диалогом. Редко, когда зло было представлено нам с таким артистизмом, изяществом и вкусом.

Противостоящая же ему истина выглядела вялой, пресной и, попросту говоря, скучной. Как раз в этой роли и столкнулись схематизм драматургического материала и известная доля манерности в исполнении актрисы Н. Михайловой (Христофорова). Здесь же рядом предельная органичность, обаяние Сандро — Н. Сличенко — и элементарная профессиональная беспомощность Тани (артистка Е. Булдыженко).

Актрису Р. Удовикову, исполнительницу роли Любы в спектакле «У дороги», обвинить в этом нельзя. Роль свою она делает крепко и уверенно. Но ее профессионализм носит какой-то самодельный характер. Мысль доносится в зал с таким нажимом, что невольно вспоминаешь: «Уж я ему так намекнула!». Толкование, предлагаемое режиссером и актрисой, настолько определено, что не оставляет места не только для размышления, но даже для зрительского суждения о происходящем на сцене. Актриса гораздо точнее несет мысль танцем, чем словом. Кстати, пока это наиболее общий недостаток актеров театра «Ромэн».

В этом вина и режиссуры, делающей пока упор на выигрышный танец и песню, а не на драматургическое действие. Поэтому зачастую спектакль превращается в цепь слабо связанных между собой, блестяще сделанных дивертисментов. Нам кажется, что «Ромэн» сейчас на перепутье между музыкально-драматическим театром и ансамблем песни и танца. И решающее слово в выборе пути, на наш взгляд, принадлежит режиссуре.

Требуется внимания и то обстоятельство, что старые, добротные сделанные, прошедшие сотни раз спектакли, сегодня заигрываются и разбалтываются. Примером тому — «Цыганка Аза».

Мы позволили себе эти небольшие критические замечания потому, что считаем театр достойным разговор по большому счету искусства. Ведь несомненно, что его гастроли — яркое и интересное событие в культурной жизни Новосибирска.

М. ГОЛЕР,
И. ФОМЕНКО.